

«Мы должны видеть в первую очередь не точки, а связи»¹

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_37

Jinyi Chu

«First and Foremost, We Must See Links, Rather than Dots»

Чу Цзиньши

Доцент, PhD

jinyi.chu@yale.edu

Jinyi Chu

Assistant Professor, PhD

jinyi.chu@yale.edu

На похоронах Карла Маркса Фридрих Энгельс сказал: «Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та брешь, которая образовалась после смерти этого гиганта»². То же можно было бы сказать об уходе Катерины Кларк и его значении для кафедры славянских языков и литератур Йельского университета*, кафедры сравнительного литературоведения и для международного сообщества ученых — специалистов по советской культуре, сравнительному литературоведению и левой интеллектуальной истории. Она оставила нас в пасмурный день в феврале 2024 года.

Я имел счастье и честь быть учеником и соратником покойной Катерины Кларк. Со студенческих лет работы Кэти служили мне интеллектуальным маяком, освещавшим все направления моих научных поисков. Нас с Кэти разделяла разница в 46 лет. Впервые имя Катерины Кларк встретилось мне в 2006 году, когда я учился на первом курсе в Шанхае, где специализировался в области русского языка и литературы. Пробираясь между библиотечных полок, я увидел корешок книги Кэти «Советский роман: история как ритуал». Грандиозная научная работа, сделанная в этой книге, глубоко заинтересовала меня и открыла мне, начинающему студенту-русисту в Китае, новый мир западной славистики, к которому я теперь принадлежу. Если бы не та случайная находка солнечным и влажным летним шанхайским днем, когда кондиционер в читальном зале работал с перебоями, моя дальнейшая карьера могла бы сложиться иначе.

Для меня научное наследие Кэти состоит прежде всего в том, как она стремилась побороть характерное для холодной войны презрение к официальной советской литературе, рожденное культурным высокомерием и невежеством. Теперь уже славистам известны десятки блистательных научных работ, продолживших прогрессивную установку Кэти. Кэти героически трудилась ради этой цели еще в 1970-е годы, под более сильным политическим и академическим давлением.

1 Перевод с англ. Татьяны Пирусской.

2 Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 350.

* Yale University (США) признан нежелательной организацией на территории РФ.

Будучи еще студентом в Китае, я не знал, что Кэти, посвятившая много времени изучению транснациональных социалистических интеллектуальных тенденций, уже побывала в Китае в 2005 году и в течение семестра преподавала в Пекинском университете, а также сотрудничала с коллегами из Академии общественных наук КНР. На китайском языке имя Кэти появилось на обложке китайского издания биографии Михаила Бахтина. Другим ее важным работам, высоко ценимым специалистами, пока не так повезло: они еще не переведены на китайский язык, и их не найти в материковом Китае.

В трех своих крупнейших работах, посвященных советской культурной истории: «Петербург, горнило культурной революции» (*Petersburg: Crucible of Cultural Revolution*), «Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941)» (*Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*) и «Евразия без границ: мечта о левом литературном сообществе, 1919–1943» (*Eurasia without Borders: The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943*) — Кэти оспаривала укоренившееся в общественном сознании и среди интеллектуалов неверное представление о Советском Союзе 1920–1940-х годов как изолированном, ультранационалистическом и тоталитарном политическом пространстве. Кэти же посредством тщательного анализа и исчерпывающих исследований показывает, что облик сталинской России определяли космополитические и идеалистические мыслители. В данном случае наследие Кэти не просто в том, что она предложила «ревизионистский» взгляд на этот период, а в том, что она раскрыла базовый принцип сравнительного литературоведения: ни одна культура не развивается в изоляции; уникальный облик любой культуры формируется в постоянных соприкосновениях и смешениях. Поэтому то же справедливо и применительно к Советскому Союзу, построенному на принципах интернациональной солидарности. Кто-то скажет, что Кэти чересчур великодушно и утопически судила о непростой и безрадостной эпохе в истории человечества. Но, на мой взгляд, Кэти воссоздала для нас как раз то утопическое мышление, которое во многом отражало особенности своего времени.

Собственно, именно Кэти сделала изучение советской культуры самостоятельной дисциплиной. Именно она преодолела региональные, языковые и дисциплинарные различия. Для нескольких поколений специалистов советская история оставалась историей торжества американского капитализма и либеральной демократии. Литературоведы презирали соцреализм за отсутствие так называемой художественной ценности в сравнении с поэзией Серебряного века или великими русскими романами XIX столетия. Кэти же рассматривала советскую культуру как тщательно продуманный культурно-политический проект. Такие художественные формы, как литература, изобразительное искусство, кино, архитектура, градостроительство и так далее, существовали не обособленно, а в тесном переплетении друг с другом, поэтому их надлежит рассматривать как единое целое. Не просто потому, что государство могло их использовать, а потому, что сами художники неустанно работали вместе, объединяя формы искусства и жанры так, как их обычно не объединяют в своих описаниях искусствоведы и историки литературы.

Работы Кэти существенно повлияли на мою первую книгу «Россия рубежа веков и китайская эстетика: чужое есть всеобщее» (*Fin-de-siècle Russia and Chinese Aesthetics: The Other is the Universal*), где я переосмысляю транснациональные корни русского модернизма. Сейчас, работая над проектом по сопо-

ставительному изучению социалистической культуры в эпоху перестройки в Советском Союзе и в Китае, я тоже чувствую себя обязанным Кэти как читатель ее книг и коллега. Вслед за Кэти я стремлюсь показать социалистическое интеллектуальное сообщество в эпоху, часто характеризующую более тесными контактами с Западом.

Кэти яростно боролась с тенденцией приписывать некую культуру исключительно одному национальному государству. Ее новаторская работа не укладывается в академические и институциональные рамки регионоведения или изучения литературы конкретной страны. Такие рамки порой ведут к предубеждениям против какого-нибудь региона, так что исследования подтягиваются к заранее известному выводу, порой же эти рамки питают риторику национального превосходства. Кэти считала, что все подобные тенденции уводят нас от подлинной науки и от истины. Как всегда напоминала нам Кэти и в разговорах, и в своих работах, мы должны видеть в первую очередь не точки, а связи — созвездия, из которых складывается вселенная.